

Связная

(О партизанке
Н. Буйниченко)

Имя этой женщины я впервые услышал от челнинского краеведа Самуила Лурье, который в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого столетия в качестве руководителя поискового отряда учащихся Набережночелнинской средней школы № 28 совершал походы по местам партизанской славы белорусского Полесья. В 1979 г. челнинцы были в Витебске, где местные поисковики поведали им об истории перехода военнослужащих 825-го батальона легиона «Идель-Урал» на сторону белорусских партизан. Здесь же С. Лурье встретился с командиром 1-й Витебской партизанской бригады М. Бирюлиным и комиссаром бригады В. Хабаровым, которые рассказали, что непосредственно легионеров с партизанами связала партизанская разведчица Нина Буйниченко (в 1979 г. она жила в Вильнюсе). В последующем Лурье несколько раз встречался с Буйниченко, когда был в Вильнюсе в 1984 г. вместе с поисковым отрядом. В 80-х гг. «красные следопыты» Набережных Челнов вели активную переписку с легендарной разведчицей. Я до сих пор помню страстный рассказ Самуила Григорьевича об этой красивой женщине, но расспросить более подробно об их встречах, записать рассказ энтузиаста-поисковика было недосуг... А сейчас их обоих уже нет в живых...

В 1989 г. в исследование истории Волго-Уральского («Идель-Урал») легиона включился и я. Естественно, ин-

тересовался и историей 825-го батальона, очень хотел встретиться с живыми участниками и свидетелями перехода легионеров к партизанам, мечтал встретиться и с Ниной Буйниченко, но развал СССР и потеря живой связи с соотечественниками, в одночасье оказавшимися в новых государствах, на десятилетия приостановили наши военные поиски. Долгое время у меня не было никаких сведений и о Нине. Неожиданно в союзном издании «Союз. Беларусь-Россия» № 397 от 12 марта 2009 г. в статье «Непокорный легион» я увидел фотографию уже постаревшей, но живой Нины Буйниченко-Костюшкиной. Всерьез засобиравшись в Вильнюс, хотел выехать к ней вместе с бригадой телевидения «Новый век», чтобы заснять фильм о Нине Федоровне, но в апреле 2009 г. ее не стало... Поэтому очерк об этой удивительной женщине пишу по имеющимся у меня белорусским архивным документам, а также материалам, переданным мне ее сыном Александром.

Нина Федоровна (Федосеевна) Буйниченко родилась в 1924 г. в д. Сеньково Бабинического сельсовета Витебского района Витебской области. Семья была типичная — многодетная крестьянская, где все добывалось тяжелым трудом. Нина, вторая из пяти детей, с детства помогала родителям по хозяйству, при этом хорошо училась в Бабинической школе-семилетке, была активной пионеркой. Но недолгим было спокойствие в семье. В 1933 г., когда в Сенькове в разгар антирелигиозной истерии коммунисты рушили церковь, отец Нины Федос Титович активно сопротивлялся этому. Конечно, такое ему простить не могли: вскоре его арестовали, объявили «врагом народа» и сослали на Дальний Восток. В 1938 г. он приезжал домой в короткий «отпуск», во время которого жена Полина зачала от него шестого ребенка, но отбыть до конца срок своей ссылки и увидеть сына так и не смог: 21 июня 1941 г., за день до начала войны, в семью пришло извещение о смерти Ф. Буйниченко в дальневосточных лагерях (реабилитирован в 1989 г.).

Что пришлось пережить юной Нине и всей «семье врага народа» после ареста отца и смерти деда-кормильца — рассказать, тем более, представить и пережить трудно. Было все: унижения, оскорбления, голод. Семья Буйниченко выстояла. Они «не обиделись» на Советскую власть и всей своей последующей жизнью, верой и правдой служили социалистической Родине.

В 1940 г. Нина окончила школу и поступила в Витебское фармацевтическое училище, стала комсомолкой. Доучиться не успела — началась война. Она вернулась в Сеньково. Когда немцы пришли в деревню, старшим дочерям Буйниченко грозила депортация в Германию «на работы во благо рейха». Сестра Вера ушла в партизаны (затем ее перебросили на «Большую землю», в последующем она воевала в действующей армии зенитчицей). Уйти из деревни в расположение партизанского отряда должна была и Нина (вступить в отряд ей помогла соседка и подруга Соня Копылова, которую, однако, постигла тяжелая участь — она была угнана на трудовые работы в Германию). Но судьба распорядилась иначе.

Передо мной справка, подписанная командиром партизанского отряда № 1 Витебской партизанской бригады Г. Сысоевым и комиссаром того же отряда И. Григорьевым, выданная 30 сентября 1944 г.: «Партизанке тов. Буйниченко Нине Федоровне* в том, что она состояла агентурной разведчицей партизанского отряда № 1 Витебской партизанской бригады т. Бирюлина с декабря 1942 года по июнь 1943 года и проживала в Бабиническом с[ель]совете, деревня Сеньково, Витебского района». В автобиографии от 23 августа 1944 г. Нина Буйниченко указывает другую дату: «В январе м[еся]це 1942 года с девушкой нашей деревни Небыковой Софией я была принята в парти-

* При выдаче Н. Буйниченко партизанских документов ей перепутали отчество, написав Федоровна вместо Федосеевна (в автобиографии, написанной месяцем раньше, 23 августа 1944 г., она указывает отчество Федосеевна). Возможно, партизанские командиры это сделали сознательно, чтобы не портить жизнь молодой девушке из-за репрессированного отца. После менять отчество уже не имело смысла и во всех последующих документах Буйниченко проходит как Нина Федоровна.

С П Р А В К А

Выдана партизанке тов. БУЙНИЧЕНКО Нине Федоровне в том, что она состояла агентурной разведчицей партизанского отряда № 1, Витебской партизанской бригады т. БИРУЛИНА с декабря 1942 года по июнь месяц 1943 года и проживала в Бабиническом с/совете, деревня Сеньково, Витебского района.

30/9-44 г. КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА № 1
ВИТЕБСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ /СМОЛОВ/
КОМИССАР П/ОТРЯДА № 1
ВИТЕБСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ
Нине СЕКРЕТАРЬ ВИТЕБСКОГО ГК КП/б/Б /ГРИГОРЬЕВ/

Копия партизанской справки, выданной Н. Ф. Буйниченко. 1944 г.

занский отряд, нас оставили работать негласно в тылу противника».

Полагаю, что дата вступления в отряд, указанная самой Буйниченко, более верна, так как все командиры 1-ой Витебской партизанской бригады свидетельствовали после войны, что Нина Буйниченко начала сотрудничать с партизанами сразу же после прихода немцев в Витебскую область. Работая в Национальном архиве Республики Беларусь с документами партизанского движения, лично знаю, что в штатных списках отрядов агентурные разведчики, как правило, не состояли, а учитывались отдельным списком.

В чем заключалась роль агентурных разведчиков? Они, проживая в городах и крупных населенных пунктах, в первую очередь, добывали сведения о дислокации и передвижении войск и эшелонов с вооружением, распространяли листовки, доставляли почту и продовольствие партизанам, служили связными партизанских отрядов.

Такие же поручения выполняла и Нина Буйниченко. В автобиографии она пишет: «Все задания, поручаемые отрядом, выполнялись в срок: распространение литературы в городе Витеб-

ске и окрестностях Витебска, передача почты, переговоры с людьми по заданию и по сбору сведений на своем участке».

Чтобы остаться в Сенькове и не быть угнанной в Германию, Нине и партизанам пришлось пойти на хитрость. Она предстала перед немцами молодой «фрау», которая якобы воспитывает своего маленького сына (на самом деле — младшего братишку Жоржа, родившегося перед войной). Справедливости ради надо сказать, что жители деревни, в мирное время третировавшие семью «врага народа» Буйниченко, в военное время, зная о подлинной сути «материнства» Нины, всячески поддерживали данную легенду перед немцами.

Однако родство с «врагом народа» все же во время войны спасло ей жизнь. Какой бы хорошей ни была легенда Нины, немцы подозревали, что в Сеньково у партизан есть надежный помощник. В первую очередь подозревали Нину за ее горделивый, независимый характер. В конце 1943 г. ее арестовали, увезли в гестапо в Бабиничи, где жестоко допрашивали, избивали, пытались уличить в связях с парти-

П. А. Буйниченко (мама Н. Ф. Буйниченко) с С. Г. Лурье и челнинскими следопытами.
Республика Беларусь, Витебская область, дер. Сеньково, июль 1984 г.

занами. Она заявляла: «У меня отец репрессирован Советской властью, как вы можете мне не верить?» В конце концов, от девушки отстали и отправили в лагерь в деревню неподалеку. Позже она узнала, что немцы все же не поверили ей и переспросили об ее отце у местного старосты. Последний, будучи также направленным на эту должность партизанами (о чем разведчица, конечно, не знала), подтвердил сведения о Федосе Буйниченко и заступился за Нину. Тем самым горькая судьбина отца спасла жизнь дочери и всей семье. А Нина вместе с подружками бежала из лагеря и вскоре встретила Красную Армию, которая развернула наступательные действия в Витебской области совместно с партизанами еще в конце 1943 — начале 1944 гг., задолго до знаменитой операции «Багратион».

О роли Нины Буйниченко в установлении связи подпольной организации прибывшего в феврале в Витебскую область в составе карательной экспедиции 825-го батальона ле-

гиона «Идель-Урал» написано немало. Об этом говорится во многих документах и в нашей книге о партизанских отрядах Беларуси*. Однако во всей этой истории есть один неизвестный для общественности сюжет, который не позволяет сводить роль Нины к простому посредничеству. При чтении документов, рапортов командиров и ее автобиографии меня, например, всегда настораживал один момент: уж больно скоропалительно, ясно представляя неизбежность расстрела семьи в случае провокации, Нина Буйниченко решается открыться перед квартировавшими у нее дома легионерами и согласиться на оказание помощи в установлении связи с партизанами. Сначала я сводил причины такого поведения к большой «откровенности» перед ней верхушки подпольщиков легиона (именно они — Жуков, Рахимов и Муталло — в первую же встречу заявили о намерении

* Гайнетдинов Р. Провал операции «Шаровая молния». Татары в партизанских отрядах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. — Казань, 2010. — 159 с.

батальона сдать партизанам и повернуть выданное им оружие против немцев) и в отсутствии времени для тщательного изучения друг друга и долгих переговоров. События развивались слишком стремительно: 18 февраля батальон эшелоном прибыл в Витебск, с ходу выдвинулся по Суражскому шоссе на восток от Витебска и встал гарнизонами в Суварях, Гралево и Сеньково, и уже с 22 февраля был задействован в карательной операции, правда, как свидетельствовали партизанские командиры, это были какие-то «странные» войки. Они не наступали, на огневые действия партизан отвечали стрельбой в воздух и т. п. (тогда партизаны еще не знали, что это были татары).

О причине решительного поведения партизанской разведчицы поведали мне сын Нины Буйниченко Александр Иванович и муж Иван Харитонович Костошкины, знавшие об этой истории, как говорится, из первых уст.

Дело в том, что уже при первой встрече с Буйниченко Жуков и его товарищи передали разведчице увесистый пакет документов, в котором находились, со слов Нины, какие-то схемы оборонительных сооружений, дислокации частей или военных объектов и т. п.* Нина немедленно связалась с партизанами и передала этот пакет в отряд Сысоева через начальника разведки отряда Игоря Тимошенко. Видимо, партизаны сразу же поняли ценность полученных бумаг, поэто-

* Не обладая специальными техническими познаниями, Н. Буйниченко не могла запомнить содержание этих документов и оценить их значение. В связи с этим уместно сделать смелое предположение о том, что это могли быть схемы дислокации военных заводов Германии и других объектов, на которых работали ранее привлекаемые в легион военнопленные и которые охраняли. Все эти сведения могли стекаться или специально собираться подпольной организацией в лагере в Радоме для передачи при первой же возможности советскому командованию. Такая возможность предвиделась как раз 825-му батальону, который был направлен на Восточный фронт в непосредственное соприкосновение с военным противником. Жизненность этой версии может подтверждаться, например, мнением казанского исследователя М. Черепанова, который считает, что подвиг М. Девятаева, бежавшего из фашистского плена на немецком самолете, заключается не в том, что он угнал новейший «Хейнкель», а в том, что он угнал его с военного аэродрома в Пенемюнде, где размещался завод по производству ракет «Фау»; и таким образом сообщил советскому командованию об этом секретном оружии рейха.

му Нина получила приказ продолжать контакты с легионерами и начать переговоры о переходе. В течение двух последующих суток она пыталась отправить переговорщиков от легионеров в отряд. В первый день сама вызвалась быть проводником, но попытка окончилась неудачей. По дороге легионеры-подпольщики вместе с Ниной наткнулись на штатный немецкий патруль и с трудом смогли объяснить ее присутствие в компании татар. Лишь со второго раза четверо татар, направленных к партизанам с проводником Мехальченко, переодетым в немецкую форму, благополучно добрались до отряда. В тот же день был разработан план перехода легионеров к партизанам. В ночь с 22 на 23 февраля 1943 г. переход 506 военнослужащих с вооружением и обозами был успешно осуществлен. При этом восставшими были уничтожены немецкий штаб (74 человека — весьма внушительные для немцев потери) и три ротных командира из «своих» татар, активно сотрудничавших с немцами.

Восставшие понесли минимальные потери. Накануне восстания предатель выдал немцам руководителей подпольной группы Жукова, Таджиева и Рахимова, которых увезли в Витебск и расстреляли. Также при попытке перерезать линию связи штаба батальона с городом был убит Анатолий Муталло.

Следует отметить, что полученные от Жукова документы были срочно переправлены партизанами в Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) в Москве, где получили, видимо, достойную оценку, так как вскоре после этого в 1943 г. из ЦШПД пришел приказ доставить Нину Буйниченко в Москву для вручения высокой правительственной награды. Но вылететь в столицу она не могла, так как ее длительное отсутствие в Сенькове вызвало бы подозрение у немцев и неизбежно привело бы к расстрелу семьи. Потом, когда Белоруссия была освобождена, о неврученной награде просто забыли... Лишь после войны, когда сама Нина стала писать в инстанции об этом, ее вызвали в Белоруссию (в это

Н. Ф. Буйниченко.

время она жила уже в Литве) и вручили орден Отечественной войны II степени*.

Кстати, Жуков вместе с документами передал Нине и пачку фотографий legionеров, снятых в гражданской одежде и в военной форме, скорее всего, в Польше. Часть из них хранилась в семье Буйниченко вплоть до конца 40-х гг., но однажды мама Поля, испугавшись ответственности за хранение «антисоветских» документов, сожгла эти фотографии.

После освобождения Белоруссии в 1944 г. Нина Буйниченко работала четыре года в родном колхозе помощником бригадира. По вечерам бегала в Витебск доучиваться на медсестру. По окончании медучилища уехала в Литву, где работала медсестрой

в Вильнюсской городской психиатрической больнице, а затем — в психиатрической больнице г. Ново-Вильно. Здесь, в Литве, она встретила будущего мужа Ивана — бывшего партизана, служившего в органах МВД. Вместе Костюшкины воспитали двоих детей: сына Сашу и дочь Людмилу, дождались внуков и правнуков.

В течение жизни Нину Федоровну несколько раз допрашивали партизанские особы, а после и белорусские чекисты о деталях ее участия в переходе 825-го батальона на сторону партизан: в 1944, 1946, в последний раз — в 1968 г. Все эти годы в обществе бытовало недоверие к бывшим legionерам, как к предателям. Нина Федоровна ни на одном допросе не допускала ни малейшего сомнения в искренности бывших legionеров, осознанно решившихся на вооруженное восстание в батальоне, в их преданности своей социалистической Родине и решимости своей кровью смыть позорное пятно плена. Для такой твердой гражданской позиции тоже нужно было немалое мужество: вспомним, что Нине Буйниченко в 1944 г. было всего 20 лет...

Уже позднее, благодаря ученым-исследователям, крупным военачальникам и партизанским командирам, в числе которых были начальник ЦШПД и первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко и генерал Махмуд Гареев, пришло признание этого героического эпизода Великой Отечественной войны. У истоков же этого признания стояла юная комсомолка Нина Буйниченко.

В 1969 г. в Витебске вышла книга Н. Пахомова и Н. Дорофеевко «Витебское подполье» (в 1974 г. она была переиздана большим тиражом в Минске), где впервые встречается упоминание о Нине Буйниченко. В 1973 г. в Казани вышла книга-поиск Рафаэля Мустафина о Мусе Джалиле «По следам поэта-героя», где автор на основе собранных в 60-х гг. в Беларуси документов пишет также и о переходе батальона на сторону партизан. Сегодня имя Буйниченко упоминают исследователи практиче-

* К счастью, в российских и белорусских архивах хорошо сохранились представления к наградам на советских воинов (в том числе и партизан). Думаю, что в ходе дальнейших поисков мы найдем и наградное представление 1943 г. на Нину Буйниченко, которое документально подтвердит эту историю.

Семья Костюшкиных: Иван Харитонович,
Александр Иванович и Нина Федоровна.
Вильнюс, 9 мая 2008 г.

ски в любой статье, посвященной переходу бывших военнослужащих 825-го батальона на сторону белорусских партизан. О ней много писали витебские и вильнюсские газеты. Последние статьи учителя из Бабиничей В. Василье-

ва вышли в 2008 и 2009 гг. Материал о разведчице представлен также в экспозиции Витебского музея партизанской славы М. Шмырева.

В 2008 г. Нина Буйниченко-Костюшкина съездила к себе на родину в Витебск и Сеньково. Вернувшись вдохновленная, на следующий год вновь планировала поездку в родную Беларусь на праздник Победы. Она всю жизнь уважительно относилась к татарам и татарскому народу, часто вспоминала боевых товарищей из числа татар, не очень надеясь, но все же ждала приглашения из Казани, где хотела рассказать о подвигах наших земляков-легионеров. Но приглашения не дождалась.

Так незаметно уходят от нас последние живые свидетели и активные участники нашего недавнего героического прошлого. Успеть запечатлеть и сохранить для потомков дела и свершения этих связанных поколений — задача не только специалистов-историков, но и молодых людей, интересующихся историей своей страны, своего народа. Как это делали когда-то в Беларуси и Литве челнинские следопыты во главе с Самуилом Лурье. Как это делали много лет в местах боевых сражений по всему Советскому Союзу «Снежные десанты» Казанского университета. Как это делают сейчас поисковики-«долинники» Татарстана.

Фото на с. 63: Н. Ф. Буйниченко. Вильнюс, 1950 г. Фото из личного архива А. Костюшкина.

Рустэм Гайнетдинов,
кандидат исторических наук

